

УДК 80

**АНТИЧНЫЕ КОДЫ В НЕМЕЦКОМ ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКОМ
И ЛИТЕРАТУРНОМ СОЗНАНИИ XX ВЕКА**

© 2014 г.

Т.А. Шарыпина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

kafzl@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.07.2014

Исследуется эволюция восприятия и ассимиляция античного кода в немецком философско-эстетическом и литературном сознании в историческом и социокультурном контексте XX века. Констатируется, что активизация античного кода в культуре Германии, периоды наибольшей притягательности интерпретации классических образцов в творчестве немецких писателей приходится на переломные эпохи в её общественном развитии, время утраты стабильных нравственных ориентиров и поисков новых этико-эстетических идеалов. Делается вывод о том, что античный код оказывается по-прежнему действенным и цементирующим началом в современном плюралистичном и многомерном искусстве объединенной Германии.

Ключевые слова: античный код, национальные и культурно-исторические коды, Ф. Ницше, О. Шпенглер, Томас Манн, З. Фрейд, миф, рецепция, интерпретация, иррационализм.

Специфической особенностью философско-эстетического и литературного сознания Германии на протяжении XX столетия, особенно в период трагических событий двух мировых войн, является пристальное внимание к вечным проблемам человеческого бытия и их отражению в искусстве. Это имеет под собой ряд веских оснований. Катастрофический характер исторического процесса XX века, предугаданный многими мыслителями и деятелями культуры на рубеже веков, превзошел самые яркие фантазии. Ощущение возможной реальности того, чего никогда не могли себе вообразить великие европейцы, гуманисты и рационалисты ушедших XVIII и XIX столетий, – цивилизованного апокалипсиса – пронизывает многие из лучших художественных творений XX века. Катастрофичность бытия вновь выдвигает на первый план проблемы гуманизма. Прежде всего вопрос об истинной природе человека, о том, не является ли дуалистичность человеческой природы, независимо от социальных условий, подлинной причиной чудовищных по масштабам преступлений. Концепция личности, дистанцирующаяся от традиций Античности и эпохи Возрождения, начинает формироваться уже в общественном сознании XIX века под воздействием философских систем А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, историков первобытного общества Кройцера, Мюллера, Бахофена. Учитывая уроки Первой мировой войны, Т. Манн с полным правом в статье «О месте Фрейда в духовной истории современности» (1929) писал о том, что

философский и этический иррационализм имеет свои истоки в трудах Ницше («Человеческое, слишком человеческое», «Утренняя заря»). Художественное и личное обаяние «больного гения», по его мнению, привело к тому, что много «писателей девятнадцатого и двадцатого столетий, которые, будь они историками, философами, исследователями культуры и археологами, выступают против рационализма, интеллектуализма, классицизма и, говоря коротко, вере в разум восемнадцатого, а также девятнадцатого века, противопоставляют ночную сторону человеческой природы и души, как единственное жизнеопределяющее и житнетворящее начало, и, извращая понятия, утверждают примат всего первобытно-предисторического, «порывов», вожделения, бессознательного или, как говорил Ницше, революционно заменяют «разум» – «чувствами» [17, с. 201].

Исходя из идеи «разноликости» античности, А.В. Михайлов в своё время справедливо заметил, что эпоха Гёте и Гегеля постигала сущность античного кода как бы в «исторически перевернутом» порядке: александрийская поэзия, классика и лишь затем архаика. Это привело к определенному противоречию. Открывшиеся в последней четверти XIX века пласты древнегреческой архаики поставили под сомнение абсолютизацию винкельмановского идеала «благородной простоты и спокойного величия» [5, с. 179–195]. С.С. Аверинцев также констатировал, что под воздействием накопления научных фактов, философского иррационализма и

эстетического декаданса в западноевропейской культуре XX века произошла переакцентировка в понимании восприятия античности. Аполлоновской упорядоченности начинают противопоставляться «тайны дионисийского неистовства» (Ницше) или «материнская» мистика могильной земли и рождающего лона (линия Бахофена) [1, с. 5–40]. Специфика поднятой проблемы исследования в том, что при анализе рецепции античного кода в художественном сознании любого народа нельзя замкнуться в узких рамках англистики, американистики или германистики. Оказывается продуктивной опора на более широкую теоретическую базу, в том числе философскую, междисциплинарную. В отечественной науке в этом плане в определенные эпохи происходит продуктивное сближение классической филологии и германистики. Так, русские учёные-классики Ф.Ф. Зелинский [2; 3] и А.Ф. Лосев [4], обращаясь к дискуссионным проблемам германистики, высказали в своё время концептуальные для последующего изучения идеи. Это касается, прежде всего, проблемы осмысления ницшеанской концепции Античности и её дальнейшего влияния на эстетическое сознание XX века, поскольку уже более века все немецкие писатели и учёные, обращаясь к рецепции античного кода в художественном сознании Германии XX века, находятся по-прежнему между двумя её полюсами – «Винкельман» или «Ницше»? Забегая вперёд, однако, отметим такой показательный момент: эта «вечная проблема» германистики вновь всколыхнула филологическую и философскую общественность на пороге XXI века. Речь идёт о новом уникальном переводе «Рождения трагедии из духа музыки», выполненном А.В. Михайловым, с не менее уникальными комментариями и примечаниями А.А. Россиуса. Это издание вызвало полемику, дискуссию, брожение в учёных кругах [7], хотя первоначальная его цель была, как констатировал А.А. Россиус, определить историко-философскую роль произведения Ницше в интеллектуальном контексте эпохи, а также попытаться разобраться в том, что же принципиально новое было противопоставлено в его работе предпосылкам традиционной науки. Как констатировалось в ходе дискуссии, опубликованной в журнале «Новое литературное обозрение» (2001, № 4), труд А.В. Михайлова не просто перевод. Он несомненно несет на себе отблеск личности автора, являясь ещё одной талантливой интерпретацией полемического трактата Ницше и представляя личностный исследовательский взгляд на наследие Античности, как, впрочем, и на освоение

античного кода немецким художественным сознанием. Однако почему именно в конце 90-х годов XX века подобный перевод появился, почему этот круг, начатый в 70-х гг. XIX в., вновь вернулся к исходной точке в конце века XX? Это вопрос, над которым стоит задуматься.

Исследователи литературы и мифологии неоднократно отмечали, что восприятие античности и изучение мифологии приобретает в истории культуры некий личностный характер, срастаясь с биографиями учёных и писателей. Как каждый литературный памятник, основывающийся на материале классического, в частности античного наследия, воплощает творческую интерпретацию известного содержания, обусловленную развитием общественного сознания эпохи и особенностями субъективной эволюции писателя, так и каждый исследователь античности мифологизирует свою концепцию. Личностный аспект подобных концепций неоднократно подчеркивался А.Ф. Лосевым. Процесс этот характерен для воззрений И. Винкельмана, Ф. Шиллера, Р. Вагнера, писателей, художников и мыслителей последующих эпох и находит своё наиболее яркое субъективное воплощение в философских и филологических изысканиях Ницше. Несомненная продуктивность основополагающих тезисов его концепции дала мощный импульс творческим исканиям многих выдающихся немецких писателей и философов (Г. Гауптману, Т. Манну, О. Шпенглеру, К.Г. Юнгу и др.). В сложившейся схеме противостояния концепций античности на рубеже XIX–XX вв. оставалась до сих пор в тени идея вечного обновления, вечного стремления к преображению и «превращению» – пункт схождения в этико-эстетических воззрениях Гёте и Ницше. Продуктивное воплощение эта концепция нашла в идейно-художественной системе опер «Ариадна на Наксосе» и «Египетская Елена», созданных в творческом союзе Г. Гофманстала и Р. Штрауса [10, с. 10–15; 11, с. 154–162; 13, с. 993–997]. А.Ф. Лосев, признававший труд Ницше «замечательным явлением человеческой мысли, с небывалой глубиной проникшей в затаённые истоки и корни античной души» [4, с. 34], указывал на то, что при всей своей парадоксальности и фантастичности концепция философа не содержит в себе ничего абсолютно нового, а «Ницше только заново пережил эти старые утверждения философов, пытавшихся проникнуть в существо античности, пережил их в новой, совершенно чуждой им обстановке» [4, с. 36], какая свойственна современному человеку.

Учёным и мыслителем, по-своему «мифологизирующим» концепцию происхождения ис-

куства, в частности античного, и утвердившим пафос иррационального в общественном сознании XX века, по мнению Т. Манна, был З. Фрейд. В борьбе за гуманизацию мифа Т. Манн выступает как последовательный и принципиальный противник концепции З. Фрейда относительно происхождения религии и мифомышления. Т. Манн относился с большим уважением к практике Фрейда-психиатра, однако его «мифологические» изыскания в работе «Тотем и табу» [6], уравнивающие дикаря, душевнобольного и цивилизованного человека и ставившие все краеугольные проблемы человеческой культуры и политики «в зависимость от отношений к отцу», казались Т. Манну абсурдными. Основная полемика с оппонентом развёртывается Т. Манном в статье «Фрейд и будущее» (1936). Фрейд утверждал вневременность комплексов, управляющих человеческими побуждениями. Для австрийского учёного, рассуждает Т. Манн, человек – субъект, инструмент эволюции, и он погружен в стихию порочного и бессознательного. С точки зрения Т. Манна, человек в процессе эволюции вырабатывает механизм свободного избрания верных решений и обладает генетически присущей ему «памятью» на единственно справедливое и правильное деяние, обладает умением их повторять. Так же как биологические организмы в процессе существования стремятся к выживанию путём совершенствования, человек в своих психических и духовных измерениях сопротивляется вырождению и совершенствуется. В этом писатель видел эволюционную предназначенность человека. Т. Манн воссоздаёт в тетралогии об Иосифе психологический мифологический тип героя всех времён и народов, с которым человечество на протяжении веков связывает все свои надежды и светлые чаяния. У разных народов, с его точки зрения, он зовётся по-разному: у греков – Адонис, у шумеров – Гильгамеш, у египтян – Озирис, носил он и имя Таммуза. Этот подбор имён не случаен и связан с той полемикой, которую писатель ведёт с Фрейдом. Трактровка этого мифа даётся австрийским учёным в работе «Тотем и табу» [6] и имеет натуралистический, антигуманный характер.

В связи с переориентацией концепции личности в XX веке закономерно встаёт вопрос о пересмотре критериев в оценке традиций классического наследия и прогрессивного, поступательного развития культуры как таковой, а, следовательно, и пересмотре содержания античного кода в европейском культурном сознании XX века. Идея о гуманистической преемственности

культур (в частности, античной и западноевропейской) сменяется тезисом о локальных, замкнутых в себе культурно-исторических циклах, утверждением несопоставимости соответствующих эстетических явлений и невозможности их адекватного восприятия. Характерно, что подобные теории развиваются в большинстве случаев немецкоязычными мыслителями, что обусловлено особенностями исторического пути Германии XX века. Так, почти одновременно появляются «Закат Европы» О. Шпенглера и «Распад и возрождение культуры» А. Швейцера, в которых упадок западноевропейской культуры трактовался в качестве трагедии мирового масштаба. Над этими же проблемами размышляет и М. Хайдеггер в серии послевоенных докладов «Прозрение в то, что есть». Цитируя строки из «Патмоса» Гёльдерлина: Но где опасность, там вырастает // И спасительное... –, философ, однако, замечает: «Чем ближе мы подходим к опасности, тем ярче начинают светиться пути к спасительному. Тем более вопрошающими мы становимся. Ибо вопрошание есть благочестие мысли» [8, с. 66].

Активизация античного кода в литературном и философско-эстетическом сознании Германии – явление, характеризующееся определенными этапами. Периоды наибольшей притягательности интерпретации классических образцов в творчестве немецких писателей приходится на переломные эпохи в общественном развитии Германии, время утраты стабильных нравственных ориентиров и поисков новых этико-эстетических идеалов. Ещё во второй половине XVIII века ведущие философско-эстетические концепции Германии определяет знаменательный психологический феномен: теоретики искусства и сами художники претендуют на прямое продолжение традиций Античности [18], особое духовное родство с прекрасным «детством человечества». Подобные воззрения были поколеблены на время пессимистическими выкладками О. Шпенглера. Тем не менее концепция античной культуры О. Шпенглера логически вытекает из философских постулатов его предшественников и является по сию пору единственной целостной, законченной системой Античности, выработанной мыслителями XX века. Успех книги Шпенглера был вызван уже самим жанром исследования. Осуждая философа за фатализм и называя его «пораженцем рода человеческого», Т. Манн отмечает несомненную интеллектуальную притягательность этого исследования. Интересна характеристика, данная концепции Шпенглера А.Ф. Лосевым. Она содержит не только оценочный момент, но и

указывает на специфическую черту любого исследования, так или иначе касающегося Античности и античной мифологии – глубоко личностную заинтересованность автора: «Она обладает настолько большой завораживающей силой красоты и убедительности, что, в конце концов, не хочется даже критиковать его, а хочется оставить как некое своеобразное художественное создание, как некий самостоятельный миф о былом античном мифе» [4, с. 59]. Любопытно, что о личностном характере рецепции Античности впервые заговорил именно Шпенглер. Опираясь на знаменитый афоризм Ницше («Нет фактов, есть только интерпретации»), учёный утверждает, что история восприятия античности западноевропейцами – череда заблуждений и иллюзий. Рецепция Античности становится как бы своеобразным способом самовыражения, далеко не всегда осознанным, мыслителей, художников, даже целых исторических эпох. Из содержания концепции Античности Шпенглера можно вывести определенную зависимость восприятия европейцами эллинской культуры. Шпенглер не проводит аналогии, но она вытекает сама собой из положения ученого о принципиальной аисторичности древнегреческого мировосприятия: «Читали Гомера, но никто не собирался, подобно Шлиману, разрывать троянские холмы. Нужен был миф, а не история» [9, с. 47]. Наблюдение крайне продуктивное не только в плане ретроспекции, но и для рассмотрения рецепции античности в творчестве последующего поколения немецких писателей – Г.Э. Носсаком, К. Вольф, Ф. Фюманом, П. Хаксом, В. Хильдесхаймером, Ф. Брауном, Б. Штраусом и др.

Аналогичные суждения о проблемах восприятия античности высказывались примерно в это время К.Г. Юнгом в труде «Психологические типы» (1921) [14]. Подобно Шпенглеру, он считает, что в основе предшествующих нашему времени концепций античности всегда лежит нечто глубоко личностное. Так, с его точки зрения, концепция Античности Шиллера представляет собой своеобразную попытку разрешить собственную психологическую проблему. В такой же мере труд Ницше представляется ему «глубоко личной книгой». Утверждая личностный характер предшествующих концепций Античности, Шпенглер по сути сам творит миф. Специфика каждой культуры определяется, по Шпенглеру, так называемым символом (по сути, национально-культурным кодом), идеей культуры, выражающей в определенных образах или идейных структурах. Осуществив свою идею, культура «умирает», на смену ей

идёт цивилизация. Философ утверждает невозможность постижения чужих культурных миров, а следовательно, и культурно-исторических и национальных кодов. Как справедливо констатирует А.Ф. Лосев, в концепции Шпенглера «античность есть интуиция заполненного и завершенного в себе, конечного тела. Новая Европа имеет интуицию бесконечного пространства» [4, с. 39]. Определяя общую идею, «душу» (по сути – код) античной культуры, Шпенглер пытается прежде всего дистанцироваться от западноевропейской истории, противопоставляя Элладу и Европу.

Возврат к идее о гуманистической преемственности культур происходит в эстетических воззрениях Т. Манна и его последователей. Культура Эллады воспринималась всегда немецкой творческой интеллигенцией не просто как определенный, ограниченный узкими рамками плодотворный период в истории человеческой цивилизации, ставший классической нормой, непревзойденным образцом. Наследие античности как бы теряет свою историческую конкретность и воспринимается в качестве вневременной духовной реальности. Рецепция античности тем не менее не занимала ведущего места в эстетических исканиях Т. Манна. Гуманистический пафос искусства Эллады воспринимался им как одно из слагаемых прогрессивного развития общечеловеческой культуры. Записывая свои первые впечатления от посещения Афин в 1925 году, со свойственным ему юмором писатель замечает, что ему «всё время хочется, чтобы побеждали персов всех времён и народов греки» [19, с. 379]. Это шутивное противопоставление будет впоследствии носить вполне принципиальный характер в философско-эстетических воззрениях позднего Т. Манна. Как последователь традиций Гёте он тоже готов «искать сердцем Элладу». Однако новая культурно-историческая эпоха заставляет его вкладывать в эту фразу несколько иное содержание. Как замечает С.С. Аверинцев [1], для Винкельмана, Гёте, Шиллера, а впоследствии и для Шеллинга и Гегеля высокие идеалы Античности выражают собой идеальную общечеловеческую сущность. Для поколения Т.Манна Эллада уже не может восприниматься в качестве «детства человечества», в лучшем случае можно говорить о «детстве» Европы или о выражении гуманистических основ западноевропейской культуры. Глобальность универсализма концепции Винкельмана – Гёте «снимается» локальностью в духе О. Шпенглера, несомненно, значительно повлиявшего на характер мировосприятия современников Т. Манна. Тем не

менее концепция Т. Манна основывается не на национальных, а на общемировоззренческих категориях. Так, понятия «Европа» и «Азия», «эллины» и «персы» противопоставлены с точки зрения оппозиции «гуманизм» – «варварство», «свобода» – «деспотия». С этой точки зрения, западноевропейские традиции либерального гуманизма рассматриваются писателем в качестве закономерного порождения завоеваний афинской демократии, а сами Афины становятся своеобразной прародиной Европы. Аллегория свободной Эллады, которая вечно стоит против «душного» восточного деспотизма, рожденная сознанием писателя в 1925 году, обретает свою историческую конкретность в 1941 году, когда в антивоенных передачах английского радио Т. Манн уподобил солдат Третьего рейха вечно побеждаемым «персам». Знаменательно, что эта аллегория плодотворно была использована и в публицистике немецких писателей-антифашистов И. Бехера, Ф. Вольфа. Вслед за Юнгом, полемизируя с Вагнером, Ницше, Шпенглером, Т. Манн утверждает равновеликое значение для духовного развития человечества культурных кодов Античности и христианства (подобный поворот темы в начале XX века был намечен ещё в немецком экспрессионизме). Античность и мифологические воззрения греко-римского мира – для него лишь одна из наиболее поздних ступеней на лестнице, ведущей к истокам гуманизма и духовных ценностей человечества.

Новый всплеск интереса к античности в художественном сознании Германии XX века приходится на катастрофическую эпоху 30–40-х гг. Творческая практика Г. Гауптмана, Г. Кайзера, И. Лангнер, Г. Э. Носсака, Б. Брехта, теоретические изыскания Т. Манна – характерное тому подтверждение. Пытаясь вырвать мифологию, в том числе и античную, из рук официальной нацистской идеологии и официальной псевдохудожественной практики Третьего рейха, в поисках истоков гуманности и гуманизма, осмысливая этапы духовной эволюции человечества, Т. Манн неизбежно обращается к проблеме мифотворчества. В этом контексте рассуждения Юнга об архетипах и мифическом, о природе творчества и специфики искусства как такового оказались чрезвычайно созвучны творческим исканиям Т. Манна 30–40-х гг. Подобная постановка проблемы будет определять, начиная с 40-х гг., характер рецепции античного кода в творческих исканиях подавляющего большинства современных немецких писателей.

Процесс актуализации античного кода в начале 70-х гг. характерен, по известным причи-

нам, прежде всего для культурного и литературного сознания Восточной Германии. Этот период в литературе ГДР был отмечен различного рода сдвигами и смещениями акцентов, во многом ключевыми для дальнейших творческих исканий художественной интеллигенции. Появляется целая плеяда молодых писателей, многообразней стала тематика произведений, изображающих во всей сложности и противоречивости связи человека и действительности, появляются новые акценты в отношении писателей к своему культурному наследию. Новая историческая ситуация и насущная проблема перспектив прогрессивного развития человечества обратили деятелей культуры Восточной Германии к актуализации невостребованного в 50-е годы слоя гуманистических традиций: заново были открыты художественные возможности мифологии, сказки, фантастики, изменилось отношение к романтизму, немецкому экспрессионизму. Изменяющаяся эпоха и изменившийся культурно-философский уровень читающего большинства стимулировали процесс интеллектуализации искусства, не удовлетворившегося более нраво-учительными формами. Литература Восточной Германии этого периода как бы обретает новую функцию, названную Д. Шленштедтом функцией «коллективного самоосмысления». Если обращение к этико-эстетическому опыту романтиков в немецком искусстве 70–80-х гг. было вызвано неприятием идеологизированной нормативности, то в решении острых нравственных и философских вопросов современности К. Вольф, Ф. Фюман, Ю. Брезан, Х. Мюллер, П. Хакс, И. Моргнер, Ф. Браун обращаются к «вековому опыту человечества», заложенному прежде всего в античных кодах, в мифах, трактующих ими в духе гуманистических традиций Т. Манна. Античный код выступает в роли своеобразного вечного этико-эстетического критерия в художественных системах немецких писателей XX века.

На рубеже XX и XXI вв. в новой для немцев социально-политической ситуации вновь наблюдается всплеск интереса к античным, прежде всего мифологическим сюжетам в художественном сознании уже объединенной Германии. Это касается прежде всего театральной практики (Х. Мюллер, Б. Штраус, молодые драматурги «постдраматического» театра). На сценических подмостках идут интерпретации классических античных образцов, а также современные оригинальные пьесы или любопытные ремиксы, вызывающие дискуссии не только в научных изданиях, но и в периодической печати о плодотворности использования античных мифических сюжетов на

театре. Политический, исторический, социокультурный контексты, в рамках которых идёт осмысление подобных явлений драматургии немецкими зрителями сегодня, а также их оригинальные режиссерские трактовки (в Аахенском городском театре, Драматическом театре Ганновера, Мюнхенском камерном театре и т.д.) не только заостряют проблематику этих постановок, но и позволяют перевести насущные вопросы современной действительности в план «вечной» проблематики человеческого бытия, найти в истории параллели и поучительные аналогии. Особо можно отметить постановки драм Ф. Брауна «Ифигения на свободе» на Востоке и Западе Германии, Б. Штрауса «Итака» в Мюнхене, «Орестей», «Персов» Эсхила в Берлине (Грюбер), «Орестей» Эсхила, «Антигоны» Софокла, а также ремикса Т. Ланоя «Матма Medea» в Ганновере и др. [12]. Событием театрального сезона в Ганновере в 2006 стала премьера трилогии Ю. О'Нила «Траур – участь Электры», содержащая прямые ассоциации с современностью. Аналогии с античным культурным наследием как одной из наиболее устойчивых констант европейского литературного сознания, переосмысление античного кода в новой исторической ситуации даёт универсальный ключ к интерпретации несводимых ни к чему другому разнообразных культурных, этико-эстетических феноменов. Современные оригинальные пьесы или любопытные ремиксы вызывают дискуссии как в научных изданиях, так и в периодической печати о плодотворности использования античных «мифических» сюжетов на театре. Миф оказывается по-прежнему действенным и как ни странно цементирующим началом в современном, таком разном и противоречивом искусстве объединенной Германии.

Всплеск интереса к античному материалу отличает и немецких учёных-гуманитариев. Почти одновременно в период с 1998 по 2001 год выходит ряд солидных монографий по названной проблеме [15; 16]. Перед отечественными учёными вновь стоит задача, учитывая новейший опыт своих немецких коллег, исследовать эволюцию восприятия и ассимиляции античного кода в немецком философско-эстетическом и литературном сознании в контексте быстро меняющейся культурно-исторической эпохи.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Образ античности в западноевропейской культуре XX века // Новое в

современной классической филологии. М., 1979. С. 5–40.

2. Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей. СПб., 1995. 400 с.

3. Зелинский Ф.Ф. История античной культуры / Ред. и прим. С.П.Заикина. 2-е изд. СПб.; Марс, 1995. 380 с.

4. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 959 с.

5. Михайлов А.В. Отражение античности в немецкой культуре конца XVIII – начала XIX вв. // Античность в культуре и искусстве последующих веков. М., 1984. С. 179–195.

6. Фрейд З. Тотем и табу. М.; П., 1923. 165 с.

7. Ницше Ф. Рождение трагедии. Под ред. А.А. Россиуса, пер. А.В. Михайлова. М.: Ad Marginem, 2001. 734 с.

8. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Новая технологическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. 453 с.

9. Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск: ВО Наука, 1993. 529 с.

10. Шарыпина Т.А. Личность и наследие Ницше в оценке русских мыслителей Серебряного века и Стефана Цвейга // Диалог между Россией и Германией: филологические и социокультурные аспекты: сборник материалов международной конференции. Тольятти: Тольяттинский ГУ, 2010. С. 10–15.

11. Шарыпина Т.А. Философско-эстетическая концепция образа Елены в трагедии Гёте «Фауст» и мифологической опере Гуго фон Гофманстля «Египетская Елена» (К проблеме творческих сходжений) // Российский гуманитарный журнал Liberal Arts in Russia. Т. 2. № 2. 2013. С. 154–162.

12. Шарыпина Т.А. «Мифический элемент» в драматургии объединенной Германии (Бото Штраус «Итака») // Вестник ННГУ: Н. Новгород: изд-во ННГУ, 2007. С. 292–296.

13. Шарыпина Т.А. Проблема взаимодействия видов искусств в немецкой философско-эстетической мысли на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4. С. 993–997.

14. Юнг К.Г. Психологические типы. СПб.; М., 1995. С. 317.

15. Georg S. Modell und Zitat. Mythes und Mythisches in der deutschsprachigen Literatur der 80-er Jahre. Aachen, 1998. 260 S.

16. Gräcian J. Die Politisierung des antiken Mythos in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur. Tübingen, 2000. 350 S.

17. Mann Th. Gesammelte Werke. Brl., 1956. Bd. XI. 616 S.

18. Меньщикова М.К. Античный код в мифопоэтической системе Фридриха Гёльдерлина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1(2). С. 162–165.

19. Mann Th. Gesammelte Werke. Brl., 1956. Bd. XII. 541 S.

**ANTIQUÉ CODES IN GERMAN PHILOSOPHICAL,
AESTHETIC AND LITERARY CONSCIOUSNESS OF THE 20TH CENTURY**

T.A. Sharypina

The article presents the analysis of evolution which occurs in perception and assimilation of antique code in German philosophical, aesthetic and literary consciousness in the 20th century historical and socio-cultural context. It is stated that the activation of ancient code in German culture belonged to the turning points of German social development. The interpretation of classical images becomes the most attractive during the time of losing the moral reference points and the start of searching for the new ethic and aesthetic ideals. The article reveals that antique code is still active and corroborative element of modern pluralist and multi-dimensional art of the united Germany.

Keywords: antique code, national, cultural and historical codes, Nietzsche, Spengler, Thomas Mann, Freud, myth, reception, interpretation, irrationalism.

References

1. Averincev S.S. *Obraz antichnosti v zapadnoevropejskoj kul'ture XX veka // Novoe v sovremennoj klassicheskoj filologii.* M., 1979. S. 5–40.
2. Zelinskij F.F. *Iz zhizni idej.* SPb., 1995. 400 s.
3. Zelinskij F.F. *Istorija antichnoj kul'tury / Red. i prim. S.P.Zaikina.* 2-e izd. SPb.; Mars, 1995. 380 s.
4. Losev A.F. *Očerki antichnogo simvolizma i mifologii.* M.: Mysl', 1993. 959 s.
5. Mihajlov A.V. *Otazhenie antichnosti v nemeckoj kul'ture konca XVIII – nachala XIX vv. // Antichnost' v kul'ture i iskusstve posledujushhijh vekov.* M., 1984. S. 179–195.
6. Frejd Z. *Totem i tabu.* M.; P., 1923. 165 s.
7. Nicshe F. *Rozhdenie tragedii.* Pod red. A.A. Ros-siusa, per. A.V. Mihajlova. M.: Ad Marginem, 2001. 734 s.
8. Hajdegger M. *Vopros o tehnikе // Novaja tehnologicheskaja volna na Zapade.* M.: Progress, 1986. 453 s.
9. Shpengler O. *Zakat Evropy.* Novosibirsk: VO Nauka, 1993. 529 s.
10. Sharypina T.A. *Lichnost' i nasledie Nicshe v ocenke russkih myslitelej Serebrjanogo veka i Stefana Cvejga // Dialog mezhdru Rossiej i Germaniej: filologicheskie i sociokul'turnye aspekty: sbornik materialov mezhdunarodnoj konferencii.* Tol'jatti: Tol'jattinskij GU, 2010. S. 10–15.
11. Sharypina T.A. *Filosofsko-jesteticheskaja koncepcija obraza Eleny v tragedii Gjote «Faust» i mifologicheskoj opere Gugo fon Gofmanstalja «Egipetskaja Elena» (K probleme tvorcheskich shozhdenij) // Rossijskij gumanitarnyj zhurnal Liberal Arts in Russia.* T. 2. № 2. 2013. C 154–162.
12. Sharypina T.A. *«Mificheskij jelement» v dramaturgii ob'edinennoj Germanii (Boto Shtraus «Itaka») // Vestnik NNGU: N. Novgorod: izd-vo NNGU, 2007. C. 292–296.*
13. Sharypina T.A. *Problema vzaimodejstvija vidov iskusstv v nemeckoj filosofsko-jesteticheskoj mysli na rubezhe XIX–XX vv. // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo.* 2010. № 4. S. S. 993–997.
14. Jung K.G. *Psihologicheskie tipy.* SPb.; M., 1995. S. 317.
15. Georg S. *Modell und Zitat. Mythes und Mythisches in der deutschsprachigen Literatur der 80-er Jahre.* Aachen, 1998. 260 S.
16. Gräcian J. *Die Politisierung des antiken Mythos in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur.* Tübingen, 2000. 350 S.
17. Mann Th. *Gesammelte Werke.* Brl., 1956. Bd. XI. 616 S.
18. Men'shhikova M.K. *Antichnyj kod v mifopojeticheskoj sisteme Fridriha Gjol'derlina // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo.* 2012. № 1(2). S. 162–165.
19. Mann Th. *Gesammelte Werke.* Brl., 1956. Bd. XII. 541 S.